

Виталий НЕИЗВЕСТНЫХ

Байкит, Эвенкия

Виталий Николаевич Неизвестных родился в 1954 году в селе Ширыштык Каратузского района Красноярского края. После окончания математического факультета Красноярского госуниверситета работал на Красноярском заводе телевизоров. С 1979 года живёт в Байките. Участвовал в геологических экспедициях, исполнял обязанности зав. райотделом народного образования. С 1994 года — учитель информатики в Байkitской средней школе. Стихи пишет с 10 класса. Печатается в краевых и центральных газетах, в журнале «Сибирские огни». За последние годы вышло несколько авторских книг стихов и короткой прозы. Среди них: «Байkitский старожил», «Аттестат зрелости», «История любви», «Алгебра и гармония», «Северная экзотика», «Философия мелководья» и др. Член Союза российских писателей.

СЕНО-СОЛОМА

Вставай! Поедем за соломой!

Волы голодные стоят.

Народная кричалка и будилка

Сколько я себя помню, мы (я имею в виду моих родителей Александру Ивановну и Николая Ермиловича и всю нашу семью) всегда держали корову. В нашей семье было трое детей, и корова на нашем подворье не была предметом экзотики, роскоши или чинопочитания. Мама называла корову кормилицей, и нахождение коровы на нашем подворье в послевоенные голодные годы было самым настоящим фактором выживания. Молоко и его производные — простокваша, творог, сметана, сливочное масло — постоянно присутствовали на нашем столе. И так было даже в самые суровые, морозные зимние месяцы, когда корова донашивала своего очередного телёнка и, что называется, «запускалась», то есть не доилась. В преддверии этого «запуска» намораживались и хранились в кладовке круги молока, которые в нужный момент вносились в избу и размораживались. Когда же корове подходил срок отёла, родители за ночь по нескольку раз вставали и ходили в стайку посмотреть, отелилась корова или ещё нет. Новорождённого телёнка сразу же забирали из стайки и приносили домой. Причин

этому было две. Во-первых, чтобы корова не заморозила телёнка, и во-вторых, чтобы не приучила телёнка к вымени. Телёнка, которого корова приучила к вымени, было практически невозможно отучить от такого способа питания.

Один такой случай мне запомнился вполне отчётливо. Наша корова-кормилица отелилась не в зимнюю стужу и не во время весенних заморозков, а уже во время пастбищного сезона. отелилась в каком-то потайном месте — в кустах или в бурьяне — и с неделю не выказывала местонахождение своего детёныша. Детёныш этот, будучи допущен к вымени, за это время, что называется, окреп и возмужал, но так приистрастился сосать корову, что отучить его не удалось даже посредством намордника с гвоздями наружу. Окончилось дело тем, что у телёнка загноилась, образно говоря, морда лица под намордником, и его пришлось забить на мясо ещё в самом раннем возрасте, хотя во время пастбищного сезона и коровы, и телята быстро нагуливают вес. Вообще-то коровы — очень неприхотливые животные как в пастбищный сезон, когда они нагуливают свой вес и дают много молока, так и в осенне-зимний период, когда их основным питанием становится сено. Понятно, что, кроме сена, коровам требуется и питьё, и они способны в один приём выпить ведро воды или поила. Когда мы жили в рабочем посёлке Ирбейского льнозавода, корову зимой водили или гоняли на водопой — непосредственно на речку Талую к проруби. В этом сочетались элементы променажа, когда корова выходила из тесной стайки и, проходя от стайки до проруби и обратно, разминала свои мышцы. Кроме заботы о корове, в этой процедуре была забота и о хозяевах. Водопровода в посёлке не было, подвоз воды не осуществлялся, всё делалось вручную.

Поскольку основным занятием отца в летний период был выпас скота, то сено, как это называлось, на корову, хотя на нашем подворье содержался ещё и конь, приходилось покупать. Подробность состояла в том, что сено порой находилось в труднодоступных местах, смётывалось на разлапистую берёзу и вывозилось по установившейся зимней дороге с помощью гусеничного трактора. То есть некоторое

время на подворье ощущалась острая нехватка сена, и выход находился в том, что с полей близлежащего совхоза или колхоза привозилась солома, которая чаще всего шла в отвал, а зачастую в те времена и вообще сжигалась прямо на полях.

И вот в один из хмурых сентябрьских дней, когда мы жили уже в селе Тюхтет, я учился в университете, но задерживался в родительском доме из-за позднего начала занятий, а мой старший брат работал электриком в строительной организации, и прозвучала в нашем доме шутовская кричалка, вынесенная мной в эпиграф: «Вставай! Поедем за соломой! Волы голодные стоят». Старший брат «раздобыл» в своей строительной организации трактор МТЗ-50 с тележкой, я сходил в контору колхоза «Путь к коммунизму», получил разрешение на загрузку и вывоз с полей колхоза овсяной соломы. (Замечу в скобках, что овсяная солома по своей консистенции мягче соломы пшеничной и больше подходит для питания коров в период отсутствия сена.) И мы отправились в дальний путь за соломой. Старший брат разместился в кабине колёсного трактора вместе с трактористом, а я — в кузове тракторной тележки вместе с инвентарём. Долго ли, коротко мы ехали по осенней хляби, но по приезде к месту временной дислокации случилось непредвиденное.

Мой старший брат, выбравшись из кабины трактора МТЗ-50 и посмотрев на меня, сидевшего всю дорогу у переднего борта тракторной тележки, стал жутко хохотать. Таким жутко хохочущим я его никогда прежде не видел, и мне даже вспомнилась другая народная речёвка, обращённая к человеку, начавшему смеяться и по какой-то причине не могущему остановиться: «Закатилось в ж... яблочко». Оказалось, что предметом веселья моего старшего брата стало моё же лицо, основательно забрызганное дорожной грязью. Но, как говорится в третьей народной речёвке, «грязь не г..., высохнет — отстанет». Я спрыгнул с тракторной тележки, умыл лицо в стихийно образовавшемся осеннем озёрке дождевой воды, и мы приступили к работе по загрузке овсяной соломы в тракторную тележку. На обратном пути я находился, что называется, «на возу», и дорожная грязь до меня не долетала...

ОСТРОВА В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ

Остров первый

Эта заметка была опубликована второго апреля 1970 года в газете «Путь Октября», вышедшей в селе Тюхтет и оведавшей жизнь всего Тюхтетского района. Из самого текста заметки и из даты выхода газеты понятно, что районные соревнования по шахматам и шашкам проходили в весенние каникулы 1969/70 учебного года.

Я учился тогда в восьмом классе Тюхтетской средней школы, и мне, как и моим одноклассникам, предстояло сдать выпускные экзамены за курс восьмилетней школы. Эта публикация стала таким первым островом в моей жизни в том плане, что о моём существовании и о моём увлечении шахматами узнали читатели всего Тюхтетского района. Так получилось, что этот учебный год ещё в самом его начале для меня таким своеобразным экзаменом на самостоятельность. Дело в том, что в июне месяце 1969 года моего старшего брата Валерия призвали в армию, определили его в стройбат и отправили служить на Дальний Восток. Поскольку на Дальнем Востоке ещё с довоенных лет жила старшая сестра отца Татьяна Ермилова, с которой отец много лет не виделся, у моих родителей созрел план навестить брата Валерия в месте его службы и попроведать старшую сестру отца в месте её постоянного жительства.

ИТОГИ РАДУЮТ

СПОРТ

27 марта в интернате Тюхтетской средней школы проходили соревнования по шахматам и шашкам среди школ района. В соревнованиях приняли участие команды Тюхтетской, Кандатской, Леонтьевской средних, Лазаревской и других восьмилетних школ.

Победителем шахматного турнира стал ученик Тюхтетской средней школы Виктор Непозветных. Он без единого поражения успешно провел весь турнир. Игра этого юного спортсмена носила изумительный, уверенный характер. Неожиданные комбинации, наступления способствовали успеху Виктора. Выиграв у одиннадцати спортсменов, он оставил за собой звание сильнейшего шахматиста района среди школьников. Всего на полтора очка отстал от победителя Дима Карабиди.

Первое командное место по шахматам завоевала команда Тюхтетской средней школы. Второе место осталось за леонтьевскими учащимися.

Лучшим шашкистом среди мальчиков в соревновании стал ученик Лазаревской восьмилетней школы Женья Краско. Среди девочек наибольшего успеха добилась Маша Валац (Леонтьевская средняя школа). За командой этой школы осталось первое место в соревнованиях по шашкам.

Соревнования прошли успешно. Они выявили лучшие спортивные коллективы, а также личных победителей «тихий» игр.

В. ДУРАНДИН,
председатель ДСО «Урожай».

План этот был реализован после окончания пастбищного сезона, в октябре-ноябре 1969 года. И родители вместе с внучкой Светланой отправились в длительное путешествие. Недостатком этого замечательного плана, с моей, понятно, точки зрения, был тот факт, что мне, ученику восьмого класса, предстояло в течение месяца самому заботиться и о своей учёбе, и о своём житье-бытье. Деревенский дом, печное отопление, необходимость топить печь, готовить пищу или питаться в столовой, учебный процесс — всё это требовало от меня такой мобилизации внутренних сил. Впрочем, эта мобилизация порой хромала, и тогда я вместо того, чтобы протопить печь, забирался под несколько одеял и на ночь глядя читал и перечитывал «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка». К этому стоит добавить, что из трёх пунктов знаменитой речёвки: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу», — мне удавалось постоянно следовать только первому пункту — утром я вставал пораньше и перед занятиями в школе завтракал в поселковой столовой. Чтобы не выглядеть совсем уж казанской сиротой, отмечу, что меня поочерёдно навещали две молодые женщины, сами жившие в рабочем общежитии, которые испытывали на мне свои кулинарные знания, умения и навыки.

Понятно, что они не с неба свалились, их ещё до ухода в армию пригласил к нам домой старший брат, и во время пребывания их в наших «гостях» он секретничал на кухне с мамой, стараясь выведать у неё страшную тайну: какая из этих молодых женщин ей больше нравится? Как бы то ни было, но тест на самостоятельность я прошёл — правда, с некоторыми издержками в виде сэкономленной поленицы дров. Возвращаясь к началу повествования, скажу, что, возможно, эта проверка на самостоятельность и этот остров в житейском море поспособствовали, помогли мне без потерь пройти выпускные экзамены, а их было четыре: русский язык, литература, алгебра и геометрия, — в то время как бóльшая половина нашего восьмого класса выпускных экзаменов не сдала и осталась на

повторное обучение. Этот тест на самостоятельность, успешно мной пройденный, подвиг меня на самостоятельный круиз по Сибири, целью которого был поиск подходящего учебного заведения, в которое можно поступить на учёбу и пуститься в самостоятельное плавание уже после окончания восьми классов.

Это я в спортивном костюме в родительском доме в Тюхтете в 1969 году.

Обнажённая натура изданной книги «Вершина распадка»

Эта книга была и остаётся единственной в моей практике и в своём роде, поскольку она вышла в издательстве

«Семицвет» в библиотечке альманаха «Новый Енисейский литератор». Случилось это в 2009 году. Изданию книги способствовала творческая, слаженная и вдохновенная работа меня как автора стихов, верстальщицы Полины Сусиковой и автора обложки Ярославы Осипенко. Об обложке книги стоит сказать особо. Руководитель издательства в лице Станислава Фенькова объявил конкурс на создание обложки. Конкурс проводился среди студентов художественного училища, и на него откликнулось более десяти художников. Вариантов обложек было прислано много, как говорится, хороших и разных. Но всё-таки именно эта обложка была выбрана мной и стала, образно говоря, обнажённой натурой моей книги «Вершина распадка».

В выходных данных книги обозначены две важных вехи: «Сдано в набор 18.12.2008 года. Подписано в печать 18.02.2009 года».

Поскольку пишу я эти строки двадцать четвёртого февраля 2024 года, то можно, не заглядывая далеко в калькулятор, посчитать, что со времени подписания этой книги в печать прошло пятнадцать лет. Быть может, самым важным событием в самостоятельном плаванье книги послужил тот факт, что вскоре после её выхода в свет она обрела благодатных читателей в лице моих одноклассников по учёбе на математическом факультете Красноярского государственного университета.

На этой фотографии запечатлены мои одноклассники по математическому факультету Красноярского государственного университета, собравшиеся на встречу в кон-

це мая 2009 года и держащие в своих руках мою только что изданную книгу «Вершина распадка». Слева направо: Елена Абрамова, Людмила Бабашкина, Ирина Ясникова, Виктор Бутор, Любовь Дульнева, Тамара Губченко.

В моём архиве сохранилась и групповая студенческая фотография, сделанная в 1976 году, во время нашего общего обучения на пятом курсе университета. Как легко посчитать, опять-таки без применения калькулятора, расстояние между этими двумя фотографиями составляет сказочное число лет, а именно тридцать лет и три года.

Эта фотография, кроме непосредственного перечисления её личного состава, требует небольшого пояснения. В 1972 году на математический факультет КГУ набиралось четыре группы по двадцать пять человек в каждой. Из этих двадцати пяти человек в нашей группе дошли до финиша (под финишем я понимаю сдачу государственных экзаменов, написание и защиту дипломных работ, получение дипломов) шестнадцать человек. Эти числа запоминаются, особенно для выпускника математического факультета университета, очень легко, поскольку число двадцать пять является квадратом пяти, число шестнадцать — квадратом четырёх, а число девять, обозначающее количество студентов, сошедших по разным причинам с дистанции, также является квадратом — на сей раз числа три.

На этой фотографии нас четырнадцать. В первом ряду слева направо: Надежда Посельская, Татьяна Разуваева, Татьяна Иванова, Алла Суятина. Во втором ряду слева направо: Ирина Лемещенко, Ирина Щукина, Любовь Дульнева, Нина Зенченко, Валентина Лепешенкова. В третьем ряду слева направо: Виктор Бутор, Ирина Ясникова, Людмила Бабашкина, Елена Абрамова, Виталий Неизвестных.

По какой причине отсутствовали на этом общем студенческом фото ещё двое студентов нашей группы, Владимир Серебров и Тамара Губченко, моя память не сохранила.

Необходимое послесловие

В целом год 2009-й был наполнен для меня событиями разного плана, требующими отдельного повествования. Среди них — два периода нахождения в лечебных учреждениях: сначала в терапевтическом отделении Байкитской районной больницы, а потом в кардиологическом отделении Красноярской краевой больницы. Три поездки на шахматные соревнования с моими шахматными учениками — в города Абаза, Новокузнецк и Ханты-Мансийск. И одна совместная поездка в город Екатеринбург с моей старшей сестрой Людмилой. Все эти события разные, но творческая работа в том или иной ключе продолжалась и во время этих событий-поездок. В частности, во время нахождения в терапевтическом отделении Байкитской районной больницы у меня «написалась» подборка стихов, которую я назвал «Апрельские экспромты». Вот лишь одно стихотворение из этой подборки:

Р. S. к апрельским экспромтам

Аллергия на врача —
Это вам ни хрен да редька,
Ни Чапаев и ни Петька,
Ни светильник Ильича.

Аллергия на врача —
Это вам ни чай с малиной,
Ни романс «Дорогой длинной»
И ни в голову моча.

Аллергия на врача —
Это вам ни фига с маслом,
Ни «игрушечки» за пряслом,
Ни офсайд — прыг-скок мяча.

Аллергия на врача —
Ча-ча-ча и «до» в миноре,
Тягомотный день в конторе,
Ветерок фонарь кача...

Аллергия на врача —
Это Свифт и свистопляска,
Это в зной зубами лязгать,
Зим и лет не различа...

Аллергия на врача —
Это разум иже чувство
И высокое искусство
Плюнуть и начать с нача...

Аллергия на врача?!
Руки в ноги! Стрекача...

3 мая 2009

ИСТОРИЯ С ФОТОГРАФИЕЙ, или МОЁ ДЕТСТВО ГЛАЗАМИ ОТЦА

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним...

Народная песня

Отец мой, Николай Ермилович, не был природным пахарем — во всяком случае, этот период его биографии для меня остался неведомым, — но работать с ним мне приходилось, и работать много. Вместе с ним мы пилили брёвна и лесины разного диаметра пилой «Дружба-2» на дрова. Подсильный тонкомер укладывали на кóзлы и пилили на кóзлах, а толстомер пилили непосредственно на земле, поворачивая при необходимости (если диаметр бревна оказывался больше протяжённости полотна ручной пилы) эти брёвна ломиком на другой бок. Началась эта моя практика

ещё в старшем дошкольном возрасте, продолжалась весь школьный возраст, частично захватила и возраст студенческий, когда я приезжал домой на каникулы. Это было обусловлено тем фактом, что из сложной бытовой техники в нашем доме и на нашем подворье имелись только ручная мясорубка и сепаратор. Забегая далеко вперёд, скажу, что этот мой богатый опыт аукнулся мне при моём поселе-

нии в Байките на ПМЖ. Аукнулся потому, что в этом северном эвенкийском посёлке пиление дров посредством ручной пилы с красивым названием «Дружба-2» считалось признаком дурного тона. Зимой, с началом завоза леса на дрова по зимним дорогам и зимнему же бездорожью, признаком хорошего тона считалось повсеместное — в каждом дворе — рычание бензопил, сопровождаемое обильным — дыши не хочу — бензиновым перегаром. Впрочем, у отца я прошёл практику и научился не только пилению на дрова брёвен и лесин, но и некоторым другим премудростям — в частности, раскалыванию чурок на поленья, и здесь уже я не чувствовал себя белой вороной среди успевших загореть на крепком северном морозе односельчан.

Возвращаясь к началу своего повествования и продолжая его, повторю, что мой отец не был природным пахарем. А был он, скорее, природным пастухом, поскольку любил вольный воздух и сельские просторы. Но, кроме пастушества, которое с конца мая по начало октября требовало практически полной отдачи, поскольку работать в этот период приходилось, как говорится, без выходных и проходных, были у него и другие увлечения: увлечение фотографией и игрой в различные карточные игры.

При фотографировании отец обычно старался разнообразить кадр, превратить обыденную фотографию в произведение искусства. Именно от этого его стремления, от этой его любви к искусству на моей груди на этой фотографии появилось и сохранилось довольно-таки массивное сооружение в виде футляра от фотоаппарата «Искра-3».

При игре в карты, а мне приходилось и играть с ним на пару в такую «командную» карточную игру, как «шестьдесят шесть» (в другой версии — «клин», «шуба», «шесть»), и соперничать с ним при игре один на один в разные, но не азартные, карточные игры, и наблюдать как он играет в карты на деньги с другими людьми, и слушать его заветное воспоминание о том, как он, находясь в госпитале во время войны, будучи ефрейтором без формального образования, сумел обыграть в карты на деньги образованных, но при этом азартных носителей звёзд на погонах. На войне как на войне, а в госпитале как в госпитале.

Меняя пластинку и завершая это повествование, скажу, что одним из самых любимых выражений отца была народная мудрость: «Нужно иметь практическую сметку — любить жену и соседку, и чтобы жена не знала». Если разбить это замечательное выражение по звеньям, то, думается, никаких возражений ни к первому («нужно иметь практическую сметку»), ни ко второму («любить жену и соседку») звеньям этой народной мудрости не возникнет. Но опять-таки думается, что третье звено этого замечательного плана («и чтобы жена не знала») относится к разряду трудно или же совсем невыполнимых, поскольку познавшая такую тайную, страстную и шальную любовь соседка вряд ли преминет хотя бы снисходительно и по-сестрински, но обрадовать жену самим фактом наличия такой любви.

Впрочем, по рассказам моей мамы Александры Ивановны, природным любителем карточных игр был и мой дед по линии отца, Ермил Владимирович. Может быть, эта страсть к игре, будь то карты или шахматы, и, чего греха таить, внимательное приглядывание за симпатичными соседками — это просто природная принадлежность нашей фамилии?!